

Лекция 5. Организация словаря в сознании носителя языка. Ассоциативный эксперимент

Исследуя устройство словаря в голове человека, ученый имеет дело со своего рода черным ящиком, о котором известно только, что у него «на входе» и что – «на выходе». Конечно, характеристики коммуникативных ситуаций и свойства результирующих их текстов – очень показательный материал. И все же сама работа мозга остается скрыта от непосредственного наблюдения.

На помощь ученым приходят специальные эксперименты. Ассоциативный эксперимент, о котором упоминалось на предыдущих лекциях, – не единственный, но самый популярный способ исследования связей между словами в языковом сознании. Он пришел в лингвистику из психологии и судебной экспертизы. Первоначально он применялся для исследования психических больных. Первым собранием ассоциативных норм был словарь американских психологов Грейс Хелен Кент и Аарона Розанова (Kent G.H., Rosanoff A.J. A study of association in insanity // American Journal of Insanity. № 67. 1910). Ими же был предложен стандартный список из 100 слов-стимулов, которые затем с небольшими изменениями использовались другими исследователями.

Сегодня существуют ассоциативные словари основных западноевропейских языков, а кроме того, имеются аналогичные издания по русскому, польскому, словацкому, украинскому, белорусскому, латышскому, киргизскому и многим другим языкам.

Методика ассоциативного эксперимента проста. Испытуемому предъявляют список слов-стимулов, на каждый из которых он должен ответить первым приходящим ему в голову словом-реакцией. (Это так называемый свободный ассоциативный эксперимент, а бывает еще направленный, когда реакции испытуемых ограничиваются каким-то условием.) Например, человеку говорят: *стол*, а он отвечает: *стул*. А другой испытуемый на тот же стимул ответит *стоит*, третий скажет: *круглый*, а четвертый – *накрыт*, или *еда*, или *на столе пусто* (допускаются и словосочетания) – как кому взбредет в голову. Совокупность реакций одного человека позволяет судить о том, как он относится к эксперименту (ответственно или не очень), каков объем его знаний, что сейчас занимает его мысли, каково его настроение и т.д.

В научно-популярной литературе часто приводят в качестве иллюстрации рассказ чешского писателя Карела Чапека «Эксперимент профессора Роуса». Там профессор-психоаналитик с помощью своего метода помогает полиции раскрыть совершенное преступление. Сначала он предлагает подозреваемому невинные речевые стимулы, и тот отвечает естественными реакциями. В частности, на слово *Стакан* следует ответ *Пиво*, на *Улица* – *Телеги*, на *Мамаша* – *Тетка*, на *Собака* – *Конура*, на *Солдат* – *Артиллерист* и т.д. Затем темп убыстряется, и профессор переходит к самому главному. Он предлагает: *Дорога*, в ответ: *Шоссе*, *Спрятать* – *Зарыть*, *Тряпка* – *Мешок*, *Лопата* – *Сад*, *Яма* – *Забор*, *Труп...* «Труп! – настойчиво повторил профессор. – Вы зарыли его под забором. Так?». Полицейским оставалось только подтвердить эту догадку.

Конечно, реакция отдельного человека в конкретном случае индивидуальна. Но когда набирается большое количество реакций на один и тот же стимул (а обычно эксперимент проводится с 500 испытуемыми, или с еще бóльшим их числом), то вырисовывается некая общая картина. Выделяется группа типичных, стандартных реакций (например, *стол* – *стул*, *стол* – *круглый*, *стол* – *стоит*, *стол* – *в комнате* и т.п.). Затем эти реакции упорядочиваются по частоте и таким образом составляют статью ассоциативного словаря. Приведу в качестве примера одну статью русского ассоциативного словаря (после реакции указано количество ответов; конец статьи дается фрагментарно, выборочно; купюры отмечены квадратными скобками):

Лес (всего 758 испытуемых) – густой 119, зеленый – 72, дремучий 46, деревья 34, темный 33, русский 29, дрова 24, поляна 20, дерево, рубят 15, большой 14, береза, зелень 12, поле 11, бор, сосновый 10, природа, роща 8, елка 7, березовый, грибы, река, рук, хвойный, ягода 6, весенний 5, воздух, голубой, ель, еловый, огромный, опушка, прохлада, шумит 4, деревня, дол, дорога, красивый, листья, молодой, прогулка, сад, солнце, сосны, стоит, чаща, чудесный, шумел, щепки 3, березовая роща, «Берегите лес», болото, бурый, весна, вырублен, [...] килограмм, [...] лесник, [...] люблю, [...] рубят – щепки летят, «Русский лес», [...] трава, [...] ходить [...] 2, близко, вдали, [...] друзья, дуб, дубрава, ели, елки, елки-палки, [...] жизнь, [...] куда-то залез, [...] лед, [...] лесоразработки, летний, лето, леший, луг, луч, [...] наше богатство, нечто зеленое и шумящее, [...] поляна и цветы, [...] поцелуи, [...] уголь, «У лукоморья дуб зеленый», [...] утренний, хороший воздух,

Шишкин, шишкинский, шумный 1 («Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977).

Сразу отмечу, что наиболее частотные реакции (вроде *лес – густой, лес – зеленый*) оказываются очень стабильными в пространстве и во времени. Это значит – они отражают прочные и глубокие связи в сознании народа. Именно потому словари такого типа и называются «ассоциативными нормами». Разумеется, по этим нормам можно судить о культурных ценностях данного народа, о его менталитете и стереотипах. Опытные лекторы часто пользуются такими знаниями, чтобы поднять свой авторитет в непросвещенной аудитории. Например, преподаватель говорит: «Я знаю всё, о чем вы думаете, я читаю ваши мысли. Не верите? Давайте проверим. Я вам сейчас назову некоторые слова, а вы в ответ напишите на листике первые приходящие вам в голову другие слова. Готовы? *Поэт, фрукт, домашняя птица*. А теперь я вам скажу, что вы у себя написали. *Пушкин, яблоко, курица*. Верно?». Аудитория (особенно если это школьники младших классов) поражена. А преподаватель просто назвал известные ему самые частые (то есть стандартные) реакции.

Если мы проанализируем ассоциативный словарь какого-то языка, то можем сделать и некоторые выводы универсального характера. В частности, ученые давно заметили, что основную массу реакций можно разбить на две группы: **парадигматические и синтагматические**. Эти термины (и соответствующие понятия) восходят к учению Фердинанда де Соссюра. По Соссюру, все единицы языка находятся друг с другом в двух видах отношений: парадигматических (это «вертикальные» отношения ассоциирования, замещения, дублирования) и синтагматических (это «горизонтальные» отношения сочетаемости, последовательности, партнёрства). *Стол – стул* или *стол – мебель* – это типичные парадигматические ассоциации. *Стол – круглый* или *стол – в комнате* – синтагматические реакции.

Данные виды связей психологически (правильнее было бы сказать – психически) реальны. При этом, как доказывал нейролингвист Лурия, «синтагматические группы (типа *дом горит, собака лает*) возникают гораздо раньше и строятся с гораздо большей лёгкостью, чем «ассоциативно» организованные парадигматические связи – вхождение в общую категорию (типа *солнце – луна*), подчинение (*собака – животное*) и т.д.» (Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики). Однако оказывается, что в ситуации ассоциативного эксперимента небезразлично, в

какой грамматической форме будет стоять слово-стимул, и не случайно то, в какой форме появится слово-реакция. В частности, имена существительные чаще вызывают парадигматическую реакцию. А стимулы-глаголы, наоборот, парадигматические реакции дают сравнительно редко, зато более чем в половине случаев дают синтагматические реакции, типа *ходить – быстро* или *ходить – по комнате*. Добавлю интересную подробность: с возрастом испытуемых доля парадигматических реакций несколько возрастает; о причинах этого стоит задуматься.

Деление ответов на «парадигматические» и «синтагматические», конечно, довольно грубо и приблизительно. Поэтому психолингвисты разрабатывают более подробные классификации ассоциаций. (См., например: Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974; Ульянов Ю.Е. Психолингвистика (с приложением латышского и русского ассоциативных словарей). Рига, 1999, и др.)

В частности, реакции, зафиксированные в «Словаре ассоциативных норм русского языка» на стимул *лес* (см. выше), можно распределить по группам примерно таким образом:

а) тематические: *деревья, листья, дрова, ягода, прохлада, гриб...* Слово-стимул и слово-реакция относятся здесь к одной предметной сфере, к одной теме. В принципе это парадигматические реакции (хотя не исключается и возможность трактовки типа *В лесу – деревья*, и тогда реакцию следовало бы считать синтагматической);

б) чисто парадигматические: синонимо-антонимические, гиперонимо-гипонимические и т.п.: *роща, бор, дол, чаща, дубрава, растения, тайга...* Они близки предыдущему типу, но считается, что парадигматические ассоциации в идеальном случае отличаются от слова-стимула только по одному семантическому признаку (семе). Внутри этой группы, конечно, можно различать подгруппы: реакции синонимические, антонимические (контрастивные), гиперонимические и т.п.;

в) словообразовательные: *лесник, лесной, лесоразработки, леший...* У таких ассоциаций чаще всего общая со словом-стимулом корневая морфема, в данном случае – *лес*;

г) сочетаемостные (комбинаторные): *густой, зеленый, русский, рубят, вырублен, шумит, люблю, близко, вдали, рук* (последний пример, метафорическое выражение *лес рук*, типичен для школьной практики). Эти ассоциации, синтагматические по своей сути, наиболее открыто отражают

стремление говорящего к созданию некоторого минимума текста. Иногда, как уже отмечалось, их трудно отграничить от тематических. Скажем, пара *лес – дорога* может отражать тему «Природа», как она представлена в голове человека, а может соответствовать синтаксическим конструкциям *лес вдоль дороги* или *дорога через лес* и т.п.;

д) цитатные: «*Русский лес*», «*Берегите лес*», *наше богатство*... Это отсылки к готовому тексту. Нередко такие ассоциации носят скрытый характер. Например, ответ *венский* – это, вполне возможно, отзвук названия вальса Штрауса «Сказки венского леса». А ответ «*У лукоморья дуб зеленый*», скорее всего, возникает через посредство лексемы *дуб* (см. об этом ниже);

е) формальные (фонетические или буквенные): *лёд, куда-то залез*... Формальные ассоциации вообще редки (как мы уже знаем), но нельзя утверждать, что они аномальны. И в других статьях словаря мы находим ассоциации типа *гость – кость* (или *гость – гвоздь*), *мальчик – с пальчик* (это одновременно и фонетическая, и цитатная ассоциация), *слава – слабый* и т.п.;

ж) индивидуальные и трудно объяснимые: в частности, на стимул *лес* – реакции *друзья, килограмм, луч, поцелуи, уголь*... Они низкочастотны, но весьма многообразны. Единичные ассоциации, конечно, требуют специального комментария. Они открывают простор для фантазии исследователя и в этом смысле довольно увлекательны. Впрочем, может быть, дело тут не в особенностях индивидуальной психики, а в более сложных, скрытых механизмах ассоциирования? Это стоит пояснить.

Во-первых, связи слов в нашем сознании не ограничиваются парами, а складываются в многочленные цепочки. Это мы уже могли наблюдать на примере *лес – [дуб] – «У лукоморья дуб зеленый»* (в квадратных скобках здесь дано восстанавливаемое в уме звено цепочки). Аналогичная цепочка формируется в ассоциации *лес – [деревья] – дрова* и во многих других случаях.

Во-вторых, актуализация связей между словами может происходить одновременно по нескольким направлениям. И тогда основания для ассоциирования «совмещаются». Скажем, реакция *щепки* в ответ на *лес* появляется как результат или тематического ассоциирования: *лес – [рубить] – [дрова] – щепки* или же цитатного, как отголосок пословицы *Лес рубят – щепки летят*... Вспомним в связи с этим то, что говорилось в прошлых лекциях о поиске нужного слова.

Рассмотрим здесь и свежий пример. Герой одного рассказа ищет название для некоего гастрономического чуда – он подыскивает его в сфере смысла, но какие-то фонетические ориентиры при этом в его сознании присутствуют:

«...Крабы, бобы, грейпфруты, но не просто грейпфруты, а гораздо лучше и... штучки мясные... я даже не знаю, как назвать эти шипящие на решетке... **не кебабы, кебабы** я знаю... эти шипящие с луком на раскаленном железе... **куинджи... не куинджи**, Куинджи —это художник... не знаю, не знаю, как это назвать, но я это ел!» (С. Юрский. Сеюки).

Приведу в качестве иллюстрации целый фрагмент «ассоциативно-вербальной сети». В данном случае это многообразные реакции, которые рождает в нашем сознании слово *лук* (по книге: Ушакова Т.Н. [и др.]. Речь человека в общении. М., 1989):

Сюда – вставка: Схема №4

Вся сложность лексического ассоциирования заключается именно в том, что разные виды словесных связей могут переплетаться и сочетаться между собой. Это открыли в 40-е годы XX века американские психологи Кофер и Фоли (Ch.N. Cofer & J.P. Foley). Они установили в своих экспериментах, что каждое слово в один и тот же момент образует целую сеть ассоциаций, причем в качестве звеньев этой цепи могут выступать **как смысловые, так и формальные «партнеры»**. В частности, с ближайшим своим соседом по лексической системе слово может быть связано смысловым «тяготением», но от того тянется ниточка формальной ассоциации к третьему слову, от того – формальной или семантической к четвертому и т.д.

Попробуем взглянуть с этих позиций на те реакции, которые мы отнесли к труднообъяснимым (в частности, на стимул *лес* – ответы *луч, килограмм, друзья* и т.п.). Возможно, они требуют более сложного, «цепочечного» или «сетевоего», объяснения? Например, нетрудно предположить, что стимул *лес* вызывает в сознании испытуемого комбинаторную реакцию *тёмный* (это действительно, одна из самых частых реакций), та, в свою очередь, тянет за собой ассоциацию *царство* (есть такое устойчивое выражение – *тёмное царство*), а отсюда один шаг до цитатной ассоциации *Луч света в темном царстве*: это название статьи русского критика Николая Добролюбова известно всем носителям русского

языка по школьной программе... Значит, *лес* – [темный] – [«Луч света в темном царстве»] – *луч*. Точно так же появление на стимул *лес* реакции *килограмм* можно попробовать объяснить через цепочку *лес* – [вес] (фонетическая связь) – *килограмм* (семантическая связь). А полученная в эксперименте пара *лес* – *уголь* легко объясняется через восстановление промежуточных звеньев [дерево] и [дрова]...

Такое объяснение находит себе подтверждение при анализе других статей Ассоциативного словаря. И там мы находим примеры единичных (уникальных) ассоциаций типа *слава* – *здоровье*; *гость* – *железо*; *стол* – *телеграф*; *место* – *еда*; *форма* – *оборудование* и т.п. Иначе как странными, индивидуальными их не назовешь. Но объяснить их можно, если попытаться найти в каждом случае промежуточное звено, восстановить ту цепочку, которая реально присутствовала в голове у участника эксперимента, например:

слава – [слабый] – *здоровье*;

гость – [гвоздь] – *железо*;

стол – [столб] – *телеграф*;

место – [тесто] – *еда*;

форма – [обмундирование] – *оборудование*.

Приведу и реальный пример взаимодействия разных видов связей в процессе речепорождения. Русская пословица *Один в поле не воин* при ближайшем рассмотрении кажется немного странной. Почему это «в поле»? А что, в горах один – воин? Ученые объясняют происхождение данного выражения таким образом. Первоначально оно имело вид *Один в поле не ратай* (т.е. ‘пахарь’) – и тут всё на своем месте: одному в поле пахать трудно. Затем устаревающее слово *ратай* по созвучию (фонетическая связь) заменилось на *ратник*, т.е. ‘воин’. А уже *ратник* на основе синонимической связи вытеснилось современным названием *воин*.

Я уже говорил о том, что ассоциативные словари отражают культурные и ментальные стереотипы данного социума. В соответствии с этим особый интерес представляет **сопоставление** ассоциативных норм разных языков. Вот тут-то и оказывается важным, чтобы исходный список стимулов был более или менее единым (за основу обычно принимается список Кент – Розанова). На сегодняшний день существует целый ряд сопоставительных ассоциативных словарей, назову только некоторые из них.

Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М. – Мадрид, 2001.

Уфимцева Н.В. [и др.] Славянский ассоциативный словарь. Русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004.

Уфимцева Н.В. [и др.] Ассоциативные нормы русского и немецкого языков. М. -- Воронеж, 2004.

Обратимся к представленным в них фактам. В частности, при сравнении реакций, которые дают русские и немецкие испытуемые, обнаруживаются некоторые существенные различия. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в немецких ответах, как правило, самые частые реакции – это парадигматические, а точнее – антонимические (контрастивные), в то время как у русскоязычных испытуемых на первом месте нередко стоят синтагматические, «комбинаторные» реакции. Приведу для некоторых сопоставляемых слов-стимулов первые три реакции по частоте.

Русские реакции:

Утро – раннее 97, туманное 72, вечер 46...;

Брат – сестра 104, родной 67, мой 50...;

Лицо – красивое 56, круглое 18, человека 18...;

Белый – снег 128, черный 49, цвет 27...;

Маленький – ребенок 62, большой 55, мальчик 55...

Немецкие реакции (русские переводы добавлены здесь мною; в самом эксперименте их, конечно, не было):

Morgen ‘утро’ – *Abend* ‘вечер’ 90, *aufstehen* ‘вставать’ 73, *Sonnenaufgang* ‘восход солнца’ 68...;

Bruder ‘брат’ – *Schwester* ‘сестра’ 170, *Geschwister* ‘братья и сестры’ 26, *Familie* ‘семья’ 24...;

Gesicht ‘лицо’ – *Augen* ‘глаза’ 59, *Nase* ‘нос’ 51, *schön* ‘красивый’ 37...;

Weiß ‘белый’ – *schwarz* ‘черный’ 190, *hell* ‘светлый’ 43, *Schnee* ‘снег’ 41...;

Klein ‘маленький’ – *groß* ‘большой’ 205, *winzig* ‘крошечный’ 47, *Zwerg* ‘карлик’ 41...

К этим различиям мы еще вернемся, а пока обратим внимание на вторую особенность: для немецких ответов часто характерна бóльшая стандартность, а точнее количественный отрыв первой, самой частой

реакции от следующих. В русском языке такие «монополярные» реакции также встречаются, но несколько реже.

Любопытно, что аналогичные различия обнаруживаются при сравнении русских и английских, русских и испанских ассоциативных норм. Ю.Н. Караулов, сравнивавший русские и испанские реакции, обнаружил также, что в испанских ответах, по сравнению с русскими, велика доля «чувственных», эмоциональных ассоциаций, но зато, по сравнению с русскими ответами, беднее зона «интеллектуальных» реакций. Испанцы также реже давали цитатные (прецедентные, клишированные) реакции (честь и хвала нашей школьной программе!).

Культурный опыт народа находит свое отражение в отдельных специфических реакциях. Скажем, для русскоязычных испытуемых на стимул *гость* довольно частая реакция *татарин* (а в немецких ассоциациях ничего подобного нет). Это, конечно, следствие известной русской поговорки *Незванный гость хуже татарина*, которая, в свою очередь, отражает исторический опыт русских, память о татаро-монгольском нашествии.

Интересно также сравнить результаты, полученные на эквивалентные слова-стимулы от русских и белорусских респондентов. Белорусский и русский народы очень близки в культурном, историческом, языковом отношении. Однако некоторые различия обнаруживаются и здесь.

Так, по данным словарей, на стимул *свободный* русские испытуемые чаще всего отвечают *человек* (141), далее с большим отрывом идут ответы *ветер* (44), *полет* (26) и т.д. У белорусских испытуемых самая частая реакция на эквивалентный стимул *вольны – вецер* (167), а далее, опять-таки с отрывом, следуют *чалавек* (96), *час* (63) и т.д.

По данным А.А. Папейко, на стимул *зелёный* русские респонденты давали ответы *лист* (54) и *светофор* (28), а белорусские на стимул *зялёны* – ответы *ліст* (92) и *светлафор* (7). Казалось бы, реакции – те же самые, но количественные различия говорят сами за себя.

На стимул *лететь* в ответах русскоязычных информантов удельный вес реакции *самолет* в сравнении с удельным весом реакции *птица* больше примерно на 6,5%. А у белорусов на эквивалентный стимул *ляцець*, наоборот, ассоциация *самалёт* встречалась примерно на 7% реже, чем ассоциация *птушка* ‘птица’.

Означает ли это склонность носителей русского языка к «технократическим» или «индустриальным» ассоциациям, а белорусского –

к «природным»? Простой ответ на этот вопрос может быть ошибочным. Я думаю, что дело здесь не различиях в менталитете родственных народов, не в разном «типе цивилизации», к которому они принадлежат, а в той культурной среде, в которой испытуемые выросли. И прежде всего – в их **текстовых знаниях**: белорусская литература в целом значительно ближе к природным ценностям, она сформировалась на «мужицких» или крестьянских традициях. Разумеется, каждый язык диктует (то есть закрепляет, хранит в виде текстов и предлагает своим носителям) определенные когнитивные и этические нормы.

Вернемся теперь к уже отмеченной нами особенности: самые частые, типичные ассоциации для носителей немецкого языка выбираются «по контрасту» (*Morgen – Abend, weiß – schwarz*), самые частые русские – «по смежности», по сочетаемости (*утро – раннее, белый – снег*). И эти различия не случайны. Анализ англоязычных ассоциаций дает примерно те же результаты, что и немецкий язык: и там парадигматика на первом месте! Зато ассоциативные словари польского или белорусского языка примерно соответствуют тому состоянию, которое мы наблюдаем в русском языке: здесь ассоциирование направлено в первую очередь на образование речевых единиц, словосочетаний!

Значит ли это, что мышление германских народов «парадигматично» и направлено на создание классификации, а мышление славянских – «синтагматично» и направлено на создание текста? Нет, так ни в коем случае сказать нельзя. Дело в другом.

Во-первых, славянские языки обладают более развитой морфологией. И грамматический показатель, которым наделено слово-стимул, сильно влияет на выбор реакции. Это можно показать и не выходя за пределы славянских языков. Например, на стимул *родной* у русских испытуемых самые частые реакции – *язык* (195), *дом* (79), *человек* (67). На стимул *родны* у белорусских испытуемых самый частый ответ – *кут* ‘угол’ (208; это цитатная ассоциация, отсылка к стихотворению Янки Купалы: *Мой родны кут, як ты мне мілы...*), потом идут *дом* (87), *край* (64)... Только в 8 случаях в «белорусском» варианте был получен ответ *мова* ‘язык’. Почему так мало? Да потому, что по-белорусски это слово женского рода, а стимул был задан в мужском роде: *родны!* В немецком, а тем более в английском языке морфология слова не такая богатая и «наглядная». Здесь существительные, прилагательные, наречия (а в английском еще и глаголы!)

часто не различаются своими окончаниями – и, может быть, потому носитель языка склоняется к парадигматическим ответам.

Есть и вторая причина, на которую я уже намекнул. Для русских, белорусов, поляков огромную роль играют заученные с детства готовые тексты – литературные, фольклорные, рекламные, а для поляков – религиозные. Очевидно, определенную роль в этом играет школьная программа. Самый частый ответ на стимул *тихий* у русскоязычного человека – *Дон* («Тихий Дон» – название романа Михаила Шолохова). На стимул *мальчик* самый частый ответ – *с пальчик* (есть сказка «*Мальчик с пальчик*», кстати, перевод немецкой). На стимул *лес* часто отвечают *русский* («Русский лес» – название романа Леонида Леонова).

Но ассоциативный эксперимент – более тонкий инструмент, чем это можно себе представить по предыдущему рассказу. Польская исследовательница Ида Курч (Ida Kurcz) видоизменяла формулировку задания. После того, как она проводила ассоциативный эксперимент с традиционной формулировкой, она через некоторое время повторяла его в той же группе испытуемых. Но просьба на сей раз была такая: «Как вы считаете, каким словом на данный стимул ответит большинство испытуемых?». И результат был поразительным: испытуемые давали другую реакцию!

Так, на стимул *biały* ‘белый’ в «традиционном» эксперименте испытуемые чаще всего отвечали словом *śnieg* ‘снег’, а во втором случае, с модифицированным заданием, – словом *czarny* ‘черный’. На стимул *dziewczyna* ‘девушка’ самый частый ответ в первом эксперименте был *ładna* ‘красивая’, а во втором – *chłopiec* ‘мальчик’. На стимул *kwaśny* ‘кислый’ ответы были соответственно *owoc* ‘фрукт’ и *słodki* ‘сладкий’...

Это значит, с одной стороны, что испытуемые не вполне доверяют сами себе, считая свою естественную реакцию слишком индивидуальной, не отвечающей некоему стандарту. С другой стороны, участники эксперимента пытались во втором случае смоделировать структуру «массового сознания». И на этом пути они выбирали преимущественно парадигматические реакции!

Очень интересные результаты можно получить, если попытаться в качестве стимулов задавать уже полученные реакции. Насколько можно по реакции (или по их совокупности) восстановить стимул? Предлагаю проверить себя. Вернемся к статье *Лес* из «Словаря ассоциативных норм русского языка» и спросим себя: легко ли мы по данному списку реакций

восстанавливаем заглавное слово, послужившее в эксперименте стимулом? А в других случаях «обратное» ассоциирование может быть еще более затруднено.

Психолингвистические опыты, проводимые в направлении «от реакции к стимулу», тоже не всегда дают то, что бы мы от них ожидали. Понятно: если мы на стимул *белый* получили реакцию *черный*, то наверняка вернемся от нее к исходному слову. Но если мы на стимул *свободный* получили реакцию *человек* и теперь используем ее как стимул, то есть просим испытуемых ответить на нее новой реакцией, то нет никакой уверенности, что мы вернемся к исходному стимулу... Иначе говоря, в каких-то случаях мы получаем «замкнутый круг» между словом-стимулом и словом-реакцией, а в каких-то имеем развитие лексических связей вплоть до образования той вербальной сети (или словесной «паутины»), которая реально присутствует в сознании человека.

И все же не забудем, что условия ассоциативного эксперимента в той или иной мере искусственны. Не надо смешивать их с естественной ситуацией порождения или восприятия речи. Поэтому и реакции испытуемых дают нам только относительное представление о реальных связях, существующих между словами в сознании носителя языка. Разработаны, кроме ассоциативного эксперимента, и другие способы психолингвистического изучения системности связей между словами.